

Часть первая «ЗАКАЗ» НЕ ПО ПОНЯТИЯМ

Глава 1 Убийства в дождь

2016 год, г. Тиходонск

Ровно в полдень неброская серая «КИА» была на месте — в тихом переулке за старым кладбищем: люди Авила всегда работали четко. Бесчинствующий всю ночь ливень, очевидно, израсходовал запасы воды и превратился в лениво морозящий мелкий дождик. Было пасмурно и сыро. Гаврош, накинув на голову капюшон синей куртки из плащевки, как обычно, несколько раз прошел мимо, осмотрел окрестности и, не заметив ничего подозрительного, надел латексные перчатки и сел в машину. Конверт, как всегда, был приклеен скотчем под водительским сиденьем. И содержимое как всегда: двадцать тысяч долларов — половина суммы заказа, и фото объекта с надписью на обороте.

Словом, все шло как обычно, но только на первый взгляд. Потому что на фото был Шершень собственной персоной, а на обороте адрес и время: Восточное шоссе, 2; 15:00. Именно в это время и по этому адресу известный в городе человек — депутат, а по совместительству бизнесмен и меценат, господин Шевляков должен открывать новый культурно-досуговый центр — газеты, телевидение и интернет подавали этот, в общем-то, будничный факт как главную новость века.

Поэтому видимость обыденности оказалась обманчивой — за ней крылось нечто очень необычное и стрёмное: когда заказ делается на столь крупную фигуру,

исполнителя привлекают из другого региона, всегда предупреждают заранее о важности «объекта» и цену назначают в два раза больше... В данном случае все три правила были нарушены, а значит, обесценивалась не только сложная работа, но и жизнь исполнителя!

Внешне оставшись невозмутимым, Гаврош достал разовый телефон и нажал кнопку с цифрой «1», на которую был заведен быстрый набор разового номера Авила. Новые аппараты и сим-карты приобретались для каждого заказа, а когда дело было сделано — уничтожались.

— Слушаю! — Авил взял трубку после второго гудка. Значит, в напряжении ждет результата сегодняшней акции. Еще бы! При таком раскладе на кону не просто большие деньги — на кону его собственная жизнь! Ошибка исполнителя, случайность или банальное невезение, позволяющие установить заказчика — и шевляковцы включают «ответку». Тогда уже их исполнители выйдут на самого Авила... Но голос у него, как всегда, был спокойным.

— Деньги нашел? — поинтересовался он. — Все нормально?

— Нашел, — тоже спокойно сказал Гаврош. — Но все остальное не нормально. Ты ничего не перепутал? Или меня за лоха держишь?

— Погодь, не гони волну! Ты что, первый раз в деле?

— Не первый. Но дело-то, оказывается, не рядовое! Это не обычный заказ!

— И что?! — голос Авила стал ледяным. — Ты соскочить хочешь?!

Гаврош на миг задумался.

«Заказ взял — заказ выполни!» — это незыблемое правило его профессии. Задний ход включать нельзя — автоматически становишься лишним звеном, ненужным свидетелем. Со всеми вытекающими последствиями...

— Слушай, Авил, я никогда не соскакиваю, и ты это знаешь! Но тут совсем другие правила. И гонорар другой!

— Подумаешь! — Гаврошу показалось, что собеседник с облегчением перевел дух. — Вышла небольшая накладочка, мы ее поправим, без проблем. Умножай все на два! Так нормально?

— Нормально, — проворчал Гаврош. — Только эти вопросы заранее решать нужно...

— Ладно, будем решать заранее! — покладисто согласился босс. — А сегодня — все исправим: после дела отзвонишься и договоримся!

Гаврош отбил вызов. В душе шевелился червячок тревоги. Представилась мерзкая рожа Авила с отвратительной ухмылкой. Он не такой покладистый парень, как может показаться. И ничего не делает просто так. И «накладочек» у него не бывает. И он никогда не платит больше, чем собирался. А тут легко согласился. И голос был какой-то фальшивый — так говорят с уже списанным материалом...

Гаврош прослушал запись их разговора — программу «Call Recorder» он предусмотрительно скачивал в каждый рабочий телефон. Да, так и есть. По голосу и манерам говорил Авил, а по тону и смыслу — кто-то другой...

«Может, задумал меня самого грохнуть? — размышлял Гаврош. — Такой вариант все объясняет... Ну, ладно, все равно надо ехать!»

Он включил двигатель и медленно, стараясь не сползти в промоину на дороге, частично засыпанную строительным мусором, проехал до конца кладбищенской ограды, свернул направо, потом налево, потом снова направо и поехал по неширокой улице между частными домами старой постройки и кирпичными трех-пятиэтажками. Приходилось то и дело объезжать открытые канализационные колодцы — все люки в округе давно были сданы в металлолом. Так он тихо

прокрался несколько кварталов, потом выехал на проспект Фадеева и набрал скорость.

Через несколько минут он проскочил поворот в аэропорт и вскоре выехал к началу Восточного шоссе. По круговой развязке свернул налево и вскоре проехал мимо нового трехэтажного здания. Слева и справа от входа тянулись вертикальные композиции из надувных шаров цветов российского триколора.

Под окнами второго этажа натянута плакат, похожий на советский транспарант, с надписью белой краской на красном холсте: «Баня очищает не только тело, но и душу».

Гаврош усмехнулся. Здесь будет культурно-досуговый центр: ресторан, номера, боулинг, два бара, банный комплекс: русская баня, сауна... Все культурные мероприятия получают круглосуточную поддержку симпатичными девицами на любой вкус — штаты уже укомплектованы. Но в рекламе сделан акцент на помывочных функциях нового комплекса, и даже в день открытия обещано бесплатное оказание банных услуг! Это, несомненно, привлечет обитателей Аэропортовского поселка, в котором с горячей водой постоянные проблемы, — вот и готовая толпа благодарных жителей, еще один камень в фундамент образа Шевлякова как бескорыстного мецената, заботящегося не только о теле своих будущих избирателей, но и об их душах! До торжественного открытия еще больше двух часов, но возле КДЦ уже толкуются под зонтиками несколько старичков с замызганными сумками и узелками неопределенного цвета. Эти святые люди не знают про азартные игры и девочек — они пришли в баню...

Молодец Шевляков! И ни одного рубля не затратил! Надо бы навесить ему погремуху Мойдодыр: безобидная, добрая и с веселым подтекстом... Правда, у него уже есть жужжащее и кусачее погоняло, но оно может компрометировать народного депутата... Впрочем, де-

путатство он покинет, и прикрепившаяся с девяностых кликуха его не скомпрометирует, и открытие КДЦ ему не поможет, потому что мимо нового здания уже проехал неприметный парень с героическим прозвищем Гаврош. И не просто проехал, а срисовал все, что ему было надо: на новостройке видеокамер нет, напротив — распланированная грейдером и успевшая порастить бурьяном площадка на месте будущего рынка. Вряд ли там есть видеокамеры... Милицейских постов тоже нет — добрейший Шершень любит изображать человека из народа, который сливается с массами, а не отгораживается от них. По этой же причине не должно быть и личной охраны. Тем более что у Шершня не имелось опасений за свою жизнь. Вернее, он думал, что у него нет таких опасений.

Хотя неприметный угрюмый чувак на неприметной машине это заблуждение опровергал самым фактом своего нахождения вблизи КДЦ. Правда, распознать его не могли: Гаврош был невидимкой, даже прозвище это знали немногие! Те, кто проникал в тайны его ремесла, рассказать об этом уже не имели возможности, а те, кто наводил его на цель, жили по закону омерта итальянской мафии, хотя сами об этом не подозревали. Впрочем, хотя законы у мафиози разных стран называются по-разному, смысл у них один: «Длинный язык отрезают вместе с головой»!

«КИА» несколько раз объехала окрестности — сплошные лесополосы и пустыри, потом постояла в роще, где Гаврош подготовился к акции. Привинтил глушитель к своему «ТТ», отбросил капюшон, в котором работать из салона было неудобно, надел черную шапку-маску, посмотрел на себя в зеркало — какой-то мрачный тип в неуместном летом берете с валиком вокруг головы... Раскатал валик на лицо, проверил, чтобы прорези для глаз и рта оказались там, где надо. Теперь он стал похож то ли на бандита, то ли на спецназовца, —

и те и другие работают в таком виде... Хотя неважно, на кого он похож — важно, что пока рано — он снова закатал балаклаву.

Немного беспокоила погода: если опять хлынет ливень, то церемонию могут перенести в вестибюль... Но удача всегда была на стороне Гавроша: тучи расходились, и редкие капли уже не закрывали обзор через лобовое стекло...

Время тянулось медленно, но Гаврош привык ждать. Сердце билось, как всегда ровно и размеренно. В 14:55 он занял исходную позицию в ста метрах от культурно-развлекательного центра. Дождь прекратился, сквозь промоину в тучах выглянуло солнышко. Ровно в пятнадцать ноль-ноль церемония началась. Судя по скучившимся у здания репортёрам с видеокамерами, микрофонами и фотоаппаратами, Шевляков как раз держал речь перед заметно увеличившейся толпой пожилых людей, собранных за обещание бесплатной помывки. Гаврош подъехал поближе и стал в хвост автомобилей, которые привезли участников. Достал из внутреннего кармана компактный монокуляр «Штурман» восьмикратного увеличения, прильнул к нему, отрегулировал резкость и осмотрел «президиум».

Высокая площадка перед входом служила импровизированной трибуной, на которой рядом с оратором стояли представители районной власти и другие официальные чины. Они разительно отличались внешним видом от людей, которые внимательно слушали внизу. Отличия были не только в одежде. Сам Шевляков — грузный, с изрядным брюшком, стараясь казаться своим парнем — выходцем из народа, надел под дорогой серый костюм гавайскую сорочку с расстегнутым воротом и тоже выделялся среди строгих галстучных пар соседей. Но от этого не переставал быть своим: важные и значительные лица, осанки и манеры у хозяев жизни были одинаковыми, и этим они отличались от

унылого электората куда больше, чем одеждой... Хотя Шершня многие не любили и прозвище ему дали неспроста: слишком часто он больно жалил любого, кто ему мешал, не разбирая друзей и врагов. Впрочем, друзей у него было немного.

После недолгого митинга, рассчитанного в основном на то, чтобы репортёры успели запечатлеть торжественность момента, Шевляков перерезал алюю ленту на входе, и ряды присутствующих стали быстро редеть. Почетные гости разъехались по другим запланированным мероприятиям, изображавшая благодарных жителей толпа жаждущих помывки ринулась внутрь здания, репортёры принялись спешно грузить в микроавтобусы свои фото- и видеокамеры, штативы, аккумуляторы и прочую аппаратуру... Вскоре площадка перед КДЦ практически опустела. Лишь сам Шевляков неохотно отвечал на вопросы подловившей его настырной старушки и нетерпеливо озирался в ожидании, пока его водитель-охранник подгонит чёрный «Мерседес», стоящий метрах в тридцати. Можно было подъехать прямо сейчас, но старушка вполне могла испортить все дело, поэтому Гаврош не спешил. Он раскатал надетую на голову балаклаву, достал из перчаточного ящика, который российские водители почему-то называют «бардачком», свой потертый инструмент, взвел курок и спустил передние стекла.

Наконец машину подали, Шевляков с трудом погрузился на переднее, отодвинутое почти до конца сиденье, и «Мерседес» тронулся в сторону поворота к городу. Гаврош включил двигатель и быстро набрал скорость, сокращая дистанцию. Минутная стрелка жизни «объекта» пошла на последний круг... Догонит ли Гаврош его на дороге, поравняется ли на светофоре, перехватит ли при выходе из машины, — неважно! Как самонаводящаяся торпеда, он захватил цель, и у нее не было ни единого шанса...

До поворота в сторону города оставалось около сотни метров. «Мерс» шел по середине дороги, и Гаврош стал обходить его справа. Конечно, обходить слева и стрелять вправо удобней, но тогда расстояние больше, к тому же на линии огня оказывается водила... Понятно, что его жизнь ничего не стоит — профессионалы цинично замечают: «В земле всем места хватит», — но он закрывает цель и может испортить выстрел! Впрочем, для Гавроша, который одинаково стрелял с двух рук, подобные трудности не имели значения.

Когда машины поравнялись, Гаврош оказался в метре от цели. Сквозь тонировку было видно, как недовольный Шевляков, развалившись, что-то раздраженно выговаривал водителю. Гаврош выставил левую руку в окно, так что срез глушителя оказался почти у стекла «Мерса».

— Чек! — тихо щелкнул выстрел, лязг затвора оказался даже громче, но звуки растворились в шуме двигателей и гуле приближающегося шоссе, как будто их и не было. Но они были: в затемненном стекле и в затылке Шевлякова образовались соосные отверстия, голова «объекта» с силой мотнулась влево, сгустки серого вещества вперемешку с кровью брызнули на водителя. Тот каким-то чудом в последний момент успел наклониться к рулю, а может, сделал это не специально — просто так совпало, но как бы то ни было, а пуля его не задела.

Инстинктивно шофер резко нажал на тормоз, «Мерс» провалился назад, а «КИА», поскрипывая дешёвым пластиком салона на «волнах» размягчившегося за лето асфальта, уже неслась во весь опор, выжимая из двигателя последние лошадиные силы. Снова пошел дождь — мелкий и противный.

«Баня очищает не только тело, но и душу», — почему-то некстати вспомнил Гаврош. А может, как раз кстати. В конце концов, он работал чисто: «исполнил»

одного Шершня. И не то что сочувствовал водителю, но был рад, что не выполнил лишнюю работу: ведь ему платили только за «объект». А работать бесплатно он не любил. К тому же, когда слынешь «чистоделом», надо поддерживать репутацию: ювелирная работа всегда оплачивается выше, чем кровавая бойня, устроенная каким-нибудь дебильным «мясником»...

Он привычно глянул в зеркальце: «Мерседес» наполовину выскочил на обочину и стоял, упершись в дерево и перекрывая багажником правую полосу движения. Из-под приоткрывшегося капота шел пар — больше никаких признаков жизни там не наблюдалось. Как, впрочем, и никаких признаков смерти — обычная авария...

Не сбавляя скорости, «КИА» вписалась в поворот, заскрипели шины, возмущенно рявкнули клаксоны подрезанных машин. Но Гаврош не обратил на это внимания, а оскорбленные водилы, на свое счастье, не стали пытаться проучить нарушителя.

Гаврош сорвал балаклаву, сунул во внутренний карман куртки, бросил пистолет в «бардачок», достал телефон, нажал цифру «1».

На этот раз Авил схватил трубку сразу, не успев полностью закончиться первый гудок.

— Говори! — рявкнул он.

— Посылка отправлена, — меланхолично сказал Гаврош. — Слово за тобой!

— Отлично! — голос изменился: тревожная напряженность исчезла, и Гаврош был уверен, что Авил расслабился, облегченно откинулся на мягкую спинку кресла и на его физиономии появилась та самая мерзкая улыбка. — В девять на пирсе грузового причала рыбзавода, Моня принесет деньги... А завтра я накрою тебе богатую поляну!

Гаврош отключился. Он знал, что все переговоры в районе ликвидации будут зафиксированы и попадут в список для отработки. И хотя меры предосторожно-

сти приняты, в этот список лучше не попадать... Надо как можно быстрее рубить хвосты! И в первую очередь избавиться от «паленой» тачилы! Поэтому он не поехал по путепроводу в город: ушел вправо, развернулся под мостом и вновь вырвался на ту же трассу, только теперь ехал в обратную сторону, как несколько часов назад, когда направлялся к КДЦ. Однако на этот раз не проехал поворот к аэропорту, а свернул на него.

Прямая длинная дорога упиралась в здание аэровокзала, но чтобы въехать на площадь, надо было преодолеть шлагбаумы и парковочные автоматы перед ней. Однако многие бережливые граждане предпочитали не заезжать на платную парковку и, не взирая на запрещающие знаки, оставляли машины прямо здесь, прижавшись к обочине и надеясь на всегда выручающий «авось»... Так же решил поступить и Гаврош. Он пристроился в хвост длинной очереди нарушителей правил дорожного движения, которая, очевидно, выстроилась за штрафами, если спасительный «авось» вдруг не работает.

С облегчением выключив двигатель, он уже хотел перевести дух, но тут сзади появился бело-синий полицейский «Форд» с включенной «люстрой».

— Водитель «КИА» госномер «652» прошу выйти из машины и приготовить документы, — железным голосом объявил динамик.

«Что-то очень быстро», — Гаврош набрал полную грудь воздуха и потянулся к «бардачку»: на такой случай у него имелся только один, но многократно использованный и безотказный документ.

Однако «Форд» проехал мимо и остановился метрах в пятидесяти впереди, возле красной «КИА», из которой суетливо вылез толстячок с портмоне в руке. Его круглое, добродушное лицо выражало искреннюю надежду на то, что происходит какое-то недоразумение.

Гаврош выдохнул, спокойно вышел из машины, накинул капюшон от сеющегося дождика и неспешно

направился через дорогу, где находились гостиница, кафе «Полет», большая парковка и стоянка такси. Не оглядываясь и не ускоряя шага, он прошел мимо кафе и смешался с разношерстной толпой. Стараясь не привлекать внимания, снял перчатки и бросил в урну. Потом подошел к таксистам и договорился ехать в центр. Сидя на заднем сиденье, он разорвал на мелкие кусочки фотографию Шевлякова и выбросил в окно, ветер разнес обрывки по шоссе и прилегающей лесополосе. Водитель покосился, но ничего не сказал. Через двадцать минут Гаврош вышел на Музыкальной площади и зашел в продуктовый магазин.

* * *

Валера Солодов имел погоняло «Перевозчик». Не потому, что походил на brutального Джеймса Стейтема из одноименного фильма, а потому, что лихо гонял на машинах разных марок и даже, случалось, уходил от полицейской погони. Делал он это вынужденно и не по причине перевозки каких-то важных и нелегальных грузов, а по более банальной — дело в том, что он работал угонщиком. Хотя в узких кругах был известен как парень резкий, который может начистить рыло не хуже киношного перевозчика. И Сёмка Толстый рассказывал об этом часто и с удовольствием. Он и придумал ему прозвище.

Обычно Валера работал «под заказ», угоня дорогие иномарки определенной модели, а иногда и цвета. В силу ряда субъективных и объективных причин, состояния это ему не принесло. Недаром в свое время ходила в народе поговорка: «Из краденой крупы вкусной каши не сварить!» Да и сами карманники с этим соглашались: «Как ни “втыкаешь” — богачом не станешь!» А моралисты всех мастей с косящими от постоянного вранья глазами рассматривают вопрос шире: «Неправ-